

ЗАЛА 18
ШКАФЪ
ПОЛКА
№ 188

11.
3.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕРЪ

ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

Борьба съ Монголами и сверженіе ига ихъ были дѣйствіями не одного человѣка, но цѣлаго народа; созрѣли не вдругъ, но притоповились многими причинами, во многіе годы. — Государство, основанное Чингисомъ, само въ себѣ носило сѣмена разрушенія: по смерти сего грознаго завоевателя, земли покоренныя Монголами соспавляли уже не *одно* обширное владѣніе, подвласное *одному* Монгольскому Хану, а *нѣсколько* большихъ массъ, нѣсколько Ордь, изъ которыхъ каждая съ теченіемъ времени опять подраздѣлялась на многія Ханства. Всѣ сіи дѣленія и подраздѣленія Ордь сопровождались мятежами, усобицами; ослабляли силу cadaго владѣнія порознь и всѣхъ владѣній Монгольскихъ вообще. Золотая Орда, владѣвшая Русью, подверглась той же участи, и, естественнo, должна была понемногу ослабѣвать; Монголы же Золотой Орды, занявши привольныя степи Половецкія, придвинувшись къ цвѣтущему

Черноморью, не хощѣли опшкочевывашь къ Сѣверу, и селишья въ нашихъ холодныхъ спранахъ: важное обспояшельство! Не будь эшого, сдѣлай Монголы шо же, чшо сдѣлали Турки въ Греческой Имперіи: и владычештво Орды надъ Русью продолжилось бы несравненно долѣе. Однакожь и у насъ нашлись Князья, копорые поняли важность сего обспояшельства и уношребили всѣ зависѣвшія опъ нихъ средешва для усшраненія всего шого, чшо могло бы дашь Монголамъ поводъ — являшья въ Русь многочисленными шолпами и приняшья намѣреніе поспоянно ушвердишья въ ней для подавлѣнія возшпаній. Съ эшой шочки зрѣнія должно смопрѣшья на всѣ дѣйшвія Александра Ярославича опношительно Орды, Русскихъ Князей и Великаго Новаторода; — и шолько одинъ эшойшъ взгляды совершенно разьяснитъ для насъ полишпику Невскаго, непоняшную при шномъ воззрѣніи. И какія же великія слѣдешвія эшого порядка дѣль! Москва, пользуясь выгоднымъ географическимъ положеніемъ, возникаешь изъ ничшожества, дѣлаешья *мѣсто-пребываніемъ Великихъ Князей и Митрополита*, съ помощію Хановъ смѣло унижаешь Тверь; Іоаннъ Даниловичъ Калиша, Симеонъ Іоанновичъ Гордый и умные Бояре Московскіе (при слабомъ Іоаннѣ Іоанновичѣ и въ малолѣшнствѣ сына его Димитрія) удерживаюшья Великое Княжештво въ *одномъ родѣ*, а шѣмъ еще болѣе усиливаюшья Москву: Москва крѣпнешь, и уже не боишья меча Липовскаго! А между шѣмъ *языкъ Русскій* — всѣ Русскія Княжештва, разрозненныя полишпически, сливаешья, пропшивъ желанія ихъ власшпителей, въ одно Государ-

спивенное пѣло, сливаесть медленно, тихо, но неуклонно! *Вѣра Православная* почто также единитъ умъ и сердце, мысли и чувствованія всѣхъ Русскихъ; заспавляетъ Москвича видѣть брашневъ въ Новгородѣ и Тверипянинъ, въ жипеляхъ Чернигова и Кіева, Рязани и Галича, Полоцка и Смоленска, въ вольномъ Псковшяншии и въ бездомовномъ Казакѣ; она роднитъ всѣхъ *Православныхъ* между собою, и во всѣхъ нихъ возбуждаесть отвращеніе отъ Монгола, бурсурмана, поганого! Такимъ образомъ утверждаесться во всѣхъ Русскихъ независъ къ ихъ побѣдителямъ, гордымъ, свирѣпымъ, неукрошимымъ, и любовь къ родинѣ, какъ землѣ Православія. Языкъ и Религія спасають самобытность Руси, приписненія Ордынцевъ возбуждають общее негодованіе— и вопль, на призывъ времени, являетъ *Димитрій*, какъ *высшее выраженіе всей жизни тогдашней Руси*, одинъ достойный представитель Русскаго народа: здѣсь разгадка всѣхъ пошупковъ Димитрія и причины, по копорой народъ Русскій такъ любилъ Димитрія при жизни, а по смерти сего знаменитаго Князя сохранилъ и, какъ святыню, передалъ потомству драгоцѣнное имя его.

Начало XIV вѣка ознаменовалось счастливою *битвою* при Боршиновѣ (22 Декабря 1318 года), сильно *поколебавшею мнѣніе Русскихъ о непобѣдимости* Монголовъ. Прошло 50 лѣтъ, и Русь *явно начала оказывать неповиновеніе* суровымъ ея насильникамъ. . . . Димитрій Конспанпиновичъ Суздальскій, по волѣ и грамотѣ Сарайскаго Хана

Навруза, княжилъ съ 1360 года во Владимірѣ, благословенный Мишрополипомъ Алексіемъ. Въ 1362 году, Москва рѣшишельно объявила свои права на Великое Княжество, Амурашъ опдалъ ей первенство, и дружины Московскія двинулись къ Переяславлю; Димитрій Конспаншиновичъ бѣжалъ во Владиміръ; выгнанный и опшуда, онъ удалился въ Суздаль, и 12-лѣтній Димитрій Іоанновичъ сѣлъ во Владимірѣ на Великое Княжество, по благословенію Свящипшеля Алексія, и чрезъ три недѣли возвратился въ Москву. Желая склонить на свою сторону и другаго Хана, Абдула, сильнаго силою Мамаю, Московскіе Бояре выпросили ярлыкъ на Великое Княжество и у этого Хана. Амурашъ оскорбился, прислалъ (1363) Димитрію Конспаншиновичу грамоту на Великое Княжество, и Князь Суздальскій снова занялъ Владиміръ. Тогда Москва рѣшилась обнаружить силу свою: опказалась повиноваться велѣнію Хана, презрѣла его грамотою. Московское войско, посланное противъ Суздальскаго Князя, вшорично изгнало его изъ Владиміра. Видя невозможность пересилить Москву, Димитрій Конспаншиновичъ примирился, и въ прешій разъ полученную изъ Орды грамоту самъ прислалъ (1364) Димитрію Іоанновичу, почишая ее ничшожною: уже шакъ мало уважали велѣнія Хана. Какъ бы въ благодарность и для большаго укрѣпленія дружбы, въ Москвѣ опредѣлили дать Князю Суздальскому Нижній Новгородъ, уже *отданный Ханомъ* Борису Городецкому, который, ссылаясь на волю Хана, не хотѣлъ уступить браться Нижняго. Именемъ Мишрополипа Св. Сергій

зашворилъ (1365) въ Нижнемъ всѣ церкви: и это не дѣйствовало. Немедленно выступили Московскія дружины, и доказали Борису необходимость повиноваться рѣшенію Москвы, а не Ордынскаго Хана: Борисъ долженъ былъ уступить, и переѣхалъ въ Городецъ. Союзъ съ Димитріемъ Константиновичемъ въ послѣдствіи (1367) еще болѣе укрѣпился бракомъ его дочери Евдокіи съ Димитріемъ Ивановичемъ. Около сего же времени, (1363) Сѣверный Галичь и Спародубъ совершенно присоединены къ Москвѣ; Росповъ приведенъ въ зависимость отъ нея. Усиленная такими пріобрѣтеніями, Москва вмѣшалась (1467) въ распри Тверскихъ Князей, раздражила Михаила Александровича, и вовлеклась въ долговременную борьбу съ Тверью, а черезъ нее и съ Липвою: Олгердъ, за которымъ была въ супружествѣ сестра Михаилова, Іуліанія Александровна, вспустился за шурина. Однакожь при набѣга Липовцевъ на Москву (въ 1368, 1370 и 1372 г.) не имѣли желаемыхъ для Михаила слѣдствій: Москва успояла; въ договоръ Олгерда съ Димитріемъ включена статья: споры Московскаго Князя съ Тверскимъ предшавишь рѣшенію Хана, а Олгерду не жаловаться на рѣшеніе. «А что пошли въ Орду ко Царю люди жаловавшися на Князя на Михаила, а шо есмы въ Божьи воли и во Царевѣ, какъ повелишь, шакъ ны дѣяши, а шо отъ насъ не въ измѣну» (*). Походъ въ

(*) Собраніе Госуд. Грам. и Договор. Т. I, стр. 52. — Сія грамота описана Издашелицы къ 1371 году: на какомъ основаніи, не извѣстно. Въ 1370 году, послѣ вѣдѣнаго неудачнаго нашествія на Москву, Олгердъ предложилъ вѣчный миръ; по Русскіе заклю-

1371 году на Рязань показалъ силу Москвы, но не имѣлъ важныхъ слѣдствій.

Мы уже видѣли двукрапное неповиновеніе Мисквы волѣ Хана: въ 1363 году, когда, вопреки грамошѣ Амурапа, изгнанъ былъ изъ Владиміра Димитрій Конспаншиновичъ, и въ 1364 году, когда, равномерно въ прощивноснѣ Ханской грамошѣ, изгнанъ былъ изъ Нижняго Борись. Впрочемъ не повиновались Монголамъ не одно только Московское Княжество, но и другія, далеко не споль значительныя Русскія владѣнія: въ 1365 году, Князья Рязанскій, Пронскій и Козельскій разбили Тагаля Наругатскаго; въ 1367 году, Димитрій Нижегородскій съ брапомъ своимъ, Борисомъ Городецкимъ, разбили Булата-Темира, приходившаго опъ предѣловъ Казани, и гнали его за Волгу до рѣки Пьяны; въ 1370 году, Димитрій же Конспаншиновичъ ходилъ на Волжскихъ Монголовъ.—Между тѣмъ, оставленный Олгердомъ, Михаилъ Тверской ошправился въ Орду (1370) и получилъ опъ Мамаю грамопу на санъ Великаго Князя; но Русскіе не слушали Ханской

чили только перемиріе до Іюля слѣдующаго года. Въ 1371 году съ Липовъ былъ миръ: Елена Олгердовна была выдана за Владиміра Андреевича; если же не было враждебныхъ отношеній, то къ чему перемиріе, и припомъ на самый короткій срокъ, на три мѣсяца? . . . Въ 1372 году вѣжали въ Русь, сперва посланные Олгердомъ Кейспушъ Гедиминовичъ, Вишовшъ Кейспушовичъ, Андрей и Димитрій Олгердовичи, а потомъ и самъ Олгердъ; но видя Димитрія Иоанновича готоваго къ ошпору, рѣшились заключить перемиріе « опо Спожины до Димитріева дни. » И такъ, простое соображеніе обстоятельствъ показываетъ, что перемирный договоръ Олгерда и Кейспуша съ Димитріемъ долженъ относиться не къ 1371, какъ говорятъ Издатели, но къ 1372 году.

грамоты, а Димитрій Іоанновичъ на всѣ дороги выслалъ конниковъ, съ повелѣніемъ перехватить Тверскаго Князя, который едва могъ избавиться отъ погони, пробравшись въ Липву. *Вторично* (1371 г.) получивъ грамоту на Великое Княжество, но вмѣсто войска Татарскаго взявши съ собою Посла Мамаева, Михаилъ увидѣлъ, что Князь Московскій не повинуется приказу Хана: Владиміръцы, исполняя болю Димитрія, заперлись въ городѣ и не впустили къ себѣ Михаила. Посоль Сары-Ходжа позвалъ Димитрія во Владиміръ на судъ и слушаніе ярлыка. «Не ѣду слушать ярлыка; не отдаю Михаилу сполна Великокняжескаго, а ты, Посоль, куда пожелаешь, себя всюду пушь свободенъ,» отвѣчалъ Димитрій, пославъ къ Сары-Ходжѣ богатые дары: Посоль Мамаевъ передался на спорону Москвы, отдалъ Михаилу грамоту, а самъ отправился къ Димитрію, и даже взялся склонить на его спорону самого Хана. Такимъ образомъ *Димитрій уже въ другой разъ оказывалъ неповиновеніе сильному Мамаю*, который могъ не только просить Русскимъ, но и радоваться ихъ дѣйствіямъ прошивъ Тагая (1365), Булаша (1367), Асана (1370): это были Монголы враждебныхъ ему Орду; въ последнемъ походѣ, съ Димитріемъ Конспаншиновичемъ находился Посоль Мамаевъ Ачи-хожа; но теперь Мамай видѣлъ, что *его собственныя* грамоты два раза презрѣны Княземъ Московскимъ. Последствія могли бытъ ужасны, гибельны для цѣлой Руси... Увѣренный, что дары и покорность умилосервятъ Орду; припомъ видя, что Великое Княжество еще не въ силахъ прошивиться

въ одно время и Ташарамъ и Лишвъ и враждовавшимъ Москвѣ Князьямъ, и чпо слѣдственно еще не время съ оружіемъ въ рукахъ явно возспашъ прошивъ Монголовъ, великодушный Димитрій (1371) рѣшилъ самъ ѣхать въ Орду, и такимъ отважнымъ поступкомъ, а еще болѣе подарками и видомъ покорности пріобрѣлъ новую милость Хана... Не надолго однакожь... Эша покорность была не искренняя, и вскорѣ представилъ новый поводъ ко враждѣ. Въ 1374 году *Послы Мамаевы*, а съ ними болѣе тысячи воиновъ, за оскорбленіе Димитрія Конспанпиновича (припоминая свойство его съ Димитріемъ Иоанновичемъ), *были убиты* народомъ. Въ 1375 году, *Мурза Сарайко*, содержавшійся въ плѣну въ Нижнемъ Новгородѣ, вмѣстѣ съ своею дружиною былъ также *убитъ*. Разгнѣванный Мамай не хотѣлъ болѣе шептѣнь: явились шолпы Монголовъ, и опустошили часть Нижегородскихъ Областей. Около сего же времени измѣнили Димитрію Иоанновичу: сынъ послѣдняго Тысячскаго Иванъ Вельяминовъ и богатый госпъ Некомапъ; они перѣѣжали къ Михаилу Тверскому, опправлены имъ въ Орду и привезли ему грамопу на Великое Княжество. Уже въ препій разъ опдавали въ Ордѣ Михаилу споль Великокняжескій, и все шщетно: неподкрѣпляемый силою меча, голосъ Ханскій раздавался какъ бы въ пустынѣ, никшо не внималь ему: не прежняя была пора; гнѣвъ Хана шеперь не ужасаль никого; прежде грозное для Князей Русскихъ слово Хана пошперяло свою силу... Мамай хорошо поняль эшо: онъ и Олгердъ обѣщали Михаилу прислать на помощь свои войска. Димитрій сво-

ими распоряженіями предупредилъ, въ самомъ началѣ уничпожилъ ихъ замыслы: Владиміръ Андреевичъ и всѣ подвласные и союзные Москвѣ Князья: Суздальскій, Росшовскій, Смоленскій, Ярославскій, Моложскій, Бѣлозерскій, Кашинскій, Спародубскій, Брянскій (Романъ Михайловичъ), Новосильскій, Оболенскій, Торусскій, явились съ дружинами въ спань Великаго Князя, который немедленно спунилъ въ походъ; подъ Тверью присоединились къ нему и Новгородцы. Послѣ щещной, хоща мужеспвенной защипы, Михаилъ должень былъ смиришься, и просилъ помилованія. Не предписывая ему пняжкихъ условій, позволивъ даже именоваться Великимъ Княземъ Тверскимъ, Димитрій въ условія мира включилъ: «пойдушь на насъ Та-«шарове или на шебе, бишися намъ и побѣ съ оди-«ного (за одно) всѣмъ прошиву ихъ: или *мы пой-«демъ на нихъ*, и побѣ съ нами съ одного поиши «на нихъ (*).» Въ эшихъ словахъ уже проявляешся

(*) Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. I, 46 и 47. Не повяшно, почему Издашели Собранія описели сей договоръ къ 1368 году. Эта грамоша, дошедшая не въ подлинникѣ, но въ спискѣ (и по *неисправномѣ*, какъ пишеть Барамзинъ, въ 35 Примѣч. къ V Тому И. Г. Р.), по всей вѣроятности должна относиться къ 1375 году. И вопшь доказательство: условивалсь въ томъ, чшобы поитьсья Болръ, перешедшихъ къ Михаилу, были конфискованы и чшобы Михаилъ въ нихъ не вступаелся, Димитрій говориць: «а чшо Ивановы села Васильевича и Некомашповы, а въ шы села побѣ ся не вступаши, а имъ не надобѣ, пѣ села мнѣ.» (Собр. Гос. Гр. Т. I, стр. 48). Но Иванъ Вельяминовъ и Сурожскій (Исп. Гос. Рос. V, Примѣч. 32 и 135) госпъ Некомашъ измѣнили Димитрію въ концѣ 1374 года. Какимъ же образомъ могли бы войши въ граману 1368 года событія 1374 и 1375 годовъ? Явная несообразность! Оба измѣнника были вскорѣ пойманы и погибли: «шогожь лѣша (1379) Августа въ 30 день,

доселъ еще шайная дума Димитрія. Въ слѣдующемъ году (1376), онъ поручилъ дружины свои Димитрію Михайловичу Волинскому, и послалъ ихъ на Болгарскихъ Монголовъ; а въ 1377 году, когда Арапша, Царевичъ изъ Синеи Орды, служившій Мамаю, угрожалъ Нижнему Новгороду, Димитрій Іоанновичъ лично пошелъ на выручку песпя, съ полками Московскими, Суздальскими, Владимірскими, Переславскими, Юрьевскими, Муромскими, Ярославскими, но долго и напрасно прождавши Монголовъ, возвратился въ Москву, въѣривъ начальство надъ войскомъ шурьямъ своимъ, Іоанну и Симеону, сыновьямъ Суздальскаго Князя. Не соблюдая оспорожності безъ Великаго Князя, Русскіе были въ расплѣхъ застигнуты врагами и разбины на сшени Перевозской, за рѣкою Пьяною; Іоаннъ Димитріевичъ упонулъ въ рѣкъ: онъ бросился въ нее на конѣ, спасаясь опъ неприяпелей, и нашелъ въ ней могилу. Монголы разсыпались по Нижегородскому, попомъ по Рязанскому Княжеству, жгли селенія и города, опустошали, разоряли все на пуши своемъ. Велѣдъ за Монголами, явилась Мордва, начала грабить Нижегородскіе Уѣзды, по была разбиша Борисомъ Городецкимъ, и гонима до рѣки Пьяны.

во Вторникъ до обѣда, въ 4 часъ дни, Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, мечетъ поплыть бысть на Бучковѣ полѣ» (гдѣнынъ Монастырь Сръшевскій) «у города у Москвы, повелѣнемъ Кн. Великаго.» *Вошь первая торжественная казнь, о коей упоминаютъ наши Лѣтописцы, замѣчаетъ Барамзинъ (И. Г. Р. У, Прик. 37). О казни Некомаша Лѣтописецъ описывается такимъ образомъ: «шое же зимы (1385) убенъ бысть нѣкій брехъ, именехъ Некомашъ, за нѣкую краюлу бывшую и изгину.»*

12-го Февраля 1318 года скончался Мишироно-лишь Алексій. Кончина Свяшителя, памятнаго своими добродѣтелями, опечалила народъ и нѣко-порыхъ Князей, но не произвела и не могла произвести никакого измѣненія въ ходъ дѣлъ политическихъ: пошому чпо душою ихъ былъ не Алексій, а Димитрій: въ семь убѣдящъ насъ все послѣдующія событія. До 1378 года, Димитрій только думалъ о возстаніи противъ Монголовъ; съ половины 1378 года явно и открыто спалъ въ бой, съ мечемъ въ рукѣ, съ швердою надеждою на Бога, защитника правыхъ.

Гнѣвъ Мамаю усиливался болѣе и болѣе: Мордовская земля, подвластная Хану, была опустошена зимою 1378 года Борисомъ Городецкимъ и шуриномъ Димитрія Симеономъ, съ помощію присланныхъ изъ Москвы дружинъ. Въ опмщеніе, Монголы впорочно сожгли и разорили Нижній Новгородъ, и присоединились къ Бегичу, посланному Мамаемъ наказашъ самого Великаго Князя. Димитрій не медлил: успѣшно собралъ свои дружины, двинулся имъ на встрѣчу, встрѣшилъ, сразился и на голову разбилъ Бегича, при рѣкѣ Вождь, 11-го Августа 1378 года, ш. е. почти *герезъ* полгода по кончинѣ Алексія.

Доказавши свое мужество, Великій Князь Московскій скоро имѣлъ случай обнаружитъ и глубокую политику свою, принявъ участіе въ Литовскихъ междоусобіяхъ. По смерти Ольгерда, объявленный опъ него Великимъ Княземъ Литовскимъ, Ягелло, умершвилъ дядю своего Кейспуша; изъ сыновей Кейспушовыхъ спаслись только Випольдъ и Си

гизмундъ. Родные братья Ягелла завраждовали прошивъ него и принуждены были искашь спасенія въ бѣгствѣ. Въ Исковъ явился Андрей Олгердовичъ, и черезъ Новгородъ опправился въ Москву. Димитрій, пригошовлявшійся къ открытой борьбѣ съ Монголами, вездѣ искавшій союзниковъ, забылъ прежнюю вражду свою съ Андреемъ, помогъ ему (1379) снова заняшь Полоцкъ, и такимъ великодушнымъ дѣйствиємъ въ Андрей и братья его Димитрія Олгердовичъ Брянскомъ пріобрѣлъ вѣрныхъ друзей-союзниковъ. При всемъ томъ, Димитрій находилъ время занимать еще дѣлами церковными (ссоры между Мишяемъ и Діонисіемъ Суздальскимъ; опправленіе перваго въ Царьградъ).

Между тѣмъ, грознѣе и грознѣе были вѣспи изъ Орды о вооруженіяхъ Мамаю. Онъ успѣлъ наконецъ собрать подъ свои бунчуки Ташарь, Половецъ, Армянъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буршасовъ, Фряговъ, заключилъ союзъ съ Липвою, и лѣпомъ 1380 года двинулся на Русскія земли; съ другой спороны, Ягелло готовился ипши съ многочисленнымъ войскомъ на помощь союзнику. Димитрій началъ сзывать дружины: къ нему явились полько завистъвшіе опъ него Князя Росповскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, и покровительствуемый Москвою Князь Кашинскій. Уже мало въ это время было самостоятельныхъ Русскихъ Княжествъ: Вольнь, Подолія, Кіевъ, Черниговъ были подъ власпію Липвы; за Галичь (Южный) спорили и дрались Поляки, Ташары, Венгры: Поляки пересилили и возобладали Красною Русью; древній

Полоцкъ принадлежалъ къ системѣ Липовскаго Княжества. Гдѣ же собственно Русскія владѣнія? Смоленскъ, Тверь и Рязань, власпишели коихъ съ гордоспію именовали себя Великими Князьями, въ опличіе отъ Удѣльныхъ (см. различныя грамоты того времени); Великій Новгородъ и Псковъ, *братъ Новгороду младшій*; Великое Княжество Владимірское, въ то время соединенное съ сильною Москвою; незначительное Княжество Нижегородское; наконецъ мелкія Княжества и городки, подвласные главнымъ: вопъ всѣ погдашнія земли, составлявшія Русь. Какъ же поступили Князья Русскіе? Они не хотѣли помнишь договоры своихъ съ Димитріемъ, не хотѣли за одно съ нимъ ипши прошивъ невѣрныхъ, и въ рѣшипельный часъ, когда надобно было спашъ грудью за свободу Руси, опразивъ врага или насъ со славою, всѣ оставили Димитрія. Не явились въ спанѣ его ни воинство Великаго Новгорода, ни воинство Пскова; не шли сами, и не слали дружинъ своихъ ни Князь Смоленскій, ни Князь Тверской, ни Князь Рязанскій: послѣдній не посовѣстился даже сносипься съ Липвою и Ташарами, на гибель Москвы; не выступилъ на помощь зипю и Димитрій Константиновичъ Нижегородскій; по крайней мѣрѣ онъ прислалъ ему дружину свою... Великій Князь былъ швердъ: *одинъ* рѣшился исполнитъ то, о чемъ помышлялъ всю жизнь свою, что было предметомъ и конечною цѣлію всѣхъ думъ, всѣхъ заботъ, всѣхъ дѣйствій его. Вмѣстѣ съ брапомъ своимъ Владиміромъ, онъ опправился къ Святому Сергію, принялъ его благословеніе, и выступилъ

въ походъ. Въ Коломнѣ подкрѣпили его вѣрные союзники, Олгердовичи: Андрей Полоцкій и Димитрій Брянскій. Мамай споялъ за Дономъ, ждалъ Ягелла, и послалъ къ Димитрію пословъ, обѣщавъ забвеніе прошедшаго и пощаду, пребуя совершенной покорности и дани, какую плащили Русскіе при Джанибекѣ. Димитрій, желая упредить соединеніе Мамай съ Ягелломъ, далъ послу нерѣшимельный отвѣтъ, что дань эта слишкомъ тяжела, что онъ не можетъ плащить болѣе той, которую плащилъ по прежнему договору съ Мамаемъ, и спѣшилъ выступить изъ Коломны 20 Августа. Близъ Лопасни Димитрія настигли оспальныя Московскія дружины, предводимыя Владиміромъ Андреевичемъ и Окольниковымъ Тимоѣемъ Васильевичемъ, участникомъ Вожской побѣды. 6 Сентября Русское войско пришло къ Дону; по совѣту Олгердовичей переправилось 7 Сентября, черезъ рѣку, и на другой день, 8 Сентября, рано утромъ выступило на берегахъ Непрядвы, впадающей въ Донъ; за нею, на обширномъ Куликовомъ полѣ, стояли полчища Мамаевы. Взявъ съ собою Владиміра Андреевича и двухъ Князей Липовскихъ, Димитрій взѣхалъ на высокій холмъ, и оттуда смотрѣлъ на полки Русскіе, учреждаемые Димитріемъ Вольнскимъ. «У богатырей»—говоритъ Лѣтописецъ, можетъ быть самъ участвовавшій въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ, описывая Русское войско доброе, мужественное, неперемлимое сразиться съ погаными—«хоругви аки живи пашущія; доспѣхи «же Русскіе аки вода сильна во вся вѣпры колебашася, и шедомы на главахъ ихъ аки упренная

«заря; еловци жь шеломовь ихъ аки поломя огня-
«ное пашеся» (*). Великій Князь умилился душою:
сошелъ съ коня, и преклонивъ колѣна предъ изо-
браженіемъ Спасителя на черномъ Великокняже-
скомъ знамени, молилъ Бога-Побѣдодавца о спасе-
ніи Руси. Попомъ вспаль, поѣхаль между полками,
одобрялъ воиновъ, называль ихъ милыми брашьями;
наминаль, чпо павшихъ за Православіе ожидають
вѣнцы мучениковъ и слава вѣчно-негибнущая. «Мы
всѣ гошповы положишь свои головы за тебѣя, за
ласковаго Государя! Вели, Государь, шворишь по
насъ помиповеніе, и писашь дѣла наши на память
Русскимъ сынамъ! раздавалосьъ вокругъ Димитрія.
Урядивъ каждому полку Воеводу, Димитрій, на
просьбы Князей и Бояръ— оспашься за войскомъ,
опвѣчалъ: «Какъ я скажу: брашья, попягнемъ вку-
пъ! когда самъ стану укрывать лице свое?
словомъ и дѣломъ хочу бышь впереди всѣхъ, и
передъ всѣми главу свою положишь, да и прочіе
пріимуть дерзновеніе?» Онъ хошѣль показать со-
бою примѣръ всѣмъ, и сдержаль слово свое; вос-
кликнувъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила!» онъ пер-
вый ринулся въ битву. Ужасно было сіе, спра-
ведливо пакъ называемое побоище: кровь лилась
на пространствѣ нѣсколькихъ верспъ; въ одномъ
мѣспѣ одолѣвали Русскіе, въ другомъ Татары;
«крѣпко соспунающся полки великіе»— говоривъ
современный Поэшь:— «прескающся копыя хара-
лужныя, звѣнящъ злаченые доспѣхи, спуча щепляющся
червленые щипы, гремящъ и блисаящъ сабли и

(*) Выписки изъ Синод. лѣтописи въ 76 Примѣч. Т. V. И. Г. Р.

мечи булашныя около богашырскихъ головъ, и ка-
 няшся позлащенные шеломы подъ копыта добрымъ
 конямъ, и на сырую землю валяшся головы многихъ
 богашырей. . . . И мушно пошекли пупошныя
 рѣки, вспрепешали дуга и болоша, выступили
 озера изъ мѣспъ своихъ, пропюпшались холмы
 высокіе, праву же подмывало кровію, копорая,
 какъ рѣчная бысприна, лилась на всѣ sprawy » (*).
 Наспунилъ 9 часъ дня, а ни одинъ изъ двухъ на-
 родовъ не успуналъ другому поля сраженія, и еще
 длился кровавый споръ между ими о помъ, *гъа*
 побѣда. Дружина, находившаяся въ засадѣ,
 подъ предводительствомъ Владиміра Андреевича
 и Димитрія Волинскаго, рѣшила участь сего
 знамениаго дня: упомянутые продолжительнымъ
 кровопролитнымъ боемъ, Тапшары не могли выдер-
 жать нападенія свѣжаго войска, дрогнули и побѣ-
 жали. . . Пораженіе было совершенное: они броси-
 ли спанъ свой, обозы, оружіе, думали найшти спа-
 сеніе въ бѣгспвѣ, и понули въ рѣхѣ Мечѣ, преслѣ-
 дуемые Русскими. . . .

Преслѣдованіе кончилось, Русскіе спали на
 коспяхъ враговъ; Димитрія не было. «Гдѣ брашъ
 мой? гдѣ первоначальникъ славы нашей?» спра-
 шивалъ у всѣхъ Владиміръ Андреевичъ Храбрый.
 Великаго Князя всѣ видѣли въ бишвѣ, всѣ оплчили
 по необыкновенному его мужеспву; замѣнили,
 чпо въ пяшомъ часу дня «онъ крѣпко бился съ
 чешырьмя Тапшарянами»; нѣкопорые видѣли, какъ

(*) Сказаніе о побоищѣ Вел. Кн. Димитрія Іоанновича Донскаго, въ
 V Частн Русскаго Зрншеля на 1829 годѣ, стр. 55 и 56.

«онъ былъ сбить съ коня»; иные видѣли его «пѣша идуща съ побоища, но уязвленна». Начали искашь его, долго оставались тщетными усилія опыскашь любимаго Князя, наконецъ увѣчались полнымъ успѣхомъ: Димитрія нашли «въ дубровѣ, вельми язвена лежаща» (*). Но Димитрій забылъ раны, забылъ истощеніе силъ, услышавъ радостныя клики побѣды. Ему подвели коня. Онъ объѣхалъ поле сраженія; благодарилъ оставшихся въ живыхъ; повелѣлъ вѣчно праздновать память воиновъ, смертію купившихъ побѣду Руси (**); отправилъ повсюду гонцевъ съ вѣстію о побѣдѣ, и торжественно возвратился въ Москву. Ягелло, бывшій въ 30 или 40 верстахъ отъ Куликова поля, узнавъ о пораженіи Мамаея, быстро ушелъ въ Липву.

Побѣдишель Мамаея не думалъ покоиться на лаврахъ: онъ хотѣлъ обезпечить Русь и на будущее время, и — какъ бы провидя, что для полнаго спасенія отъчизны должна прогремѣть новая Задонская битва — великодушно просилъ Олега, бѣжавшаго изъ Рязани, которая уже занята была Великокняжескимъ намѣстникомъ; просилъ съ тѣмъ, чтобы Олегъ обязался: «имѣть Димитрія

(*) Исп. Гос. Рос. V, Примѣч. 80. — Въ Синодальной лѣтописи именно сказано, что Степанъ Новосильскій видѣлъ его раненаго. Въ Ростовской: «найдоша В. Князя въ дубровѣ вельми язвена лежаща»; а далѣе: «доспѣхъ его весь быше избить, но на пѣль его не бысть язвы.» Впрочемъ, если доспѣхъ весь былъ избить, то почти невѣроятно, чтобы не было язвы на пѣль; по этому я и принялъ первое показаніе Ростовской лѣтописи, согласное съ показаніями другихъ.

(**) Въ Димитріеву Субботу, между 18 и 26 числомъ Октябля,

«старѣйшимъ, а Владиміра Андреевича равнымъ «братомъ; хошѣшь добра ошъ чисносердечія, «бышь за-одно съ Димитріемъ и Владиміромъ «спрошивъ Липвы, если они будутъ *не въ любви* «съ нею; признавашъ своими друзьями всѣхъ дру- «зей Димитрія», и наконецъ главнѣйшее: «а бу- «дешъ *не муръ* Князю Великому Димитрію и брату «его Князю Володимеру *съ Татараы*, Князю Вели- «кому Ольгу *быти со Княземъ съ Великимъ съ* «Димитріемъ и съ его братомъ съ одного (за одно) «на Татараы и битися съ ними» (*).

Но, послѣ этого, могутъ спросить: если Ди- митрій помышлялъ о новыхъ битвахъ, что совер- шенно ясно видно изъ договора его съ Олегомъ, то для чего не хошѣлъ онъ воспользоваться побѣдою, гнашь Мамаю до береговъ Ахшубы и раз- рушилъ гнѣздо пирансхва? Карамзинъ дѣйстви- тельно предлагаетъ такой вопросъ, и самъ же удовлетворительно разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія. «Не будемъ» говоритъ онъ: «обвиняшь Великаго «Князя въ оплошности. Татараы бѣжали, однакожь «все еще сильные числомъ, и могли въ Волжскихъ «улусахъ собрать полки новые; надлежало иппи «въ слѣдъ за ними съ войскомъ многочуднымъ: «какимъ образомъ продовольствовашъ оное въ «степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему пужна «шолько пасхва для скопа его, а Россіяне долж- «ствовали бы вести хлѣбъ съ собою, видя впе- «реди глубокою осень и зиму, имѣя лошадей не «пріученныхъ пишатся одною изсохшею правою.

(*) Собр. Госуд. Грам. и Договор. Т. I, стр. 54.

«Множество раненыхъ пребывало прирѣнія, и «побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи». Прибавимъ еще, если бы Димитрій пошелъ далѣе, то союзникъ Мамай, Ягелло, съ свѣжимъ войскомъ своимъ успѣлъ бы нагрянуть сзади, и тогда Русскіе, поставленные между двухъ непріятелей, ослабѣвшіе опъ пошеръ, не могшіе и надѣясья прибытія помощи изъ Руси, не избѣжали бы конечной гибели, но смертію своею не только не принесли бы ни малѣйшей пользы Ошечеству, напропивъ подвергли бы его величайшимъ опасностямъ. Вопшь почему Димитрій не хощѣлъ, да и не долженъ былъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и въ надеждѣ заслужить счастье умѣренностію, возвратился въ столицу (*).

Мы уже замѣтили, что послѣ Задонской битвы Димитрій спарался приготовить Русь къ новой борьбѣ: что явно изъ договора его съ Олегомъ; между шѣмъ погибъ Мамай; Димитрій Іоанновичъ отказалъ Тохшамышу въ дани, и Князья казались согласными съ его волею. Едва явился въ Русскихъ предѣлахъ Тохшамышъ, Димитрій началъ сзывать дружины, и съ мужеспвеннымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, «спѣшилъ выступить въ поле (**).» Но другіе Князья позабыли обѣщанія свои — въ случаѣ войны Великаго Князя сѣспъ на коня, и заодно съ нимъ ишпи пропивъ Тапаръ; Нижній Новгородъ, Рязань и Тверь явно передались

(*) Исш. Гос. Рос. V, 76.

(**) Исш. Гос. Рос. V, 80.

на спорону Хана. Недавніе друзья, а пшерь опкрышые врага, Русскіе Власпшпела хопяшь воспользовашься нашеслвїемъ Хана, унизишь Москву, и для шго раболѣпшвуютъ передъ потаными; сами ведутъ ихъ на Москву, въ кошорой своевольныѣ, буйныѣ Князья и Бояре не слушають Димшпрїа, оспавленнаго всѣми, даже родными, исключая Владимїра Андреевича. Димшпрїю оспавалось одно изъ двухъ: или удалишься въ Сѣверныя Обласпи, гдѣ онъ могъ еще успѣшь собрашь войско для сопрошвленїа врагу; или, съ немногими приверженцами заперешься въ Москвѣ, обрець себя на вѣрную (но бесполезную) смершь, пошому чшо въ городѣ, неспокойномъ внушри, не лья было выдержашь долговременной осады. Но прилично ли было бы Димшпрїю, подобно наѣзднику какому-нибудь, бросишься въ пылъ бшшвы, и погшбнушь, не дожидаясь плѣна, предавая мщению Хана свое семейштво, свое Княжештво, — съ гибелью своею надолго погасишь въ сердцахъ Русскихъ мысль объ освобожденїи изъ подъ ита невѣрныхъ? Чшо было бы славою для наѣздника, шо же самое принесло ли бы честь для Государя? Развѣ одиѣ и шѣ же обязанности воина и Князя-власпшпела? Да и можно ли было полагашься на вѣрность черни, оспававшейся въ городѣ, когда Ханъ, обманывая легковѣрныхъ, объявляль, чшо онъ воюеть не съ Русскими, своими подданными, а съ мяшежнымъ улусникомъ своимъ Димшпрїемъ, шолько его одного починая врагомъ своимъ? И благоразумно ли было бы, оспаваясь въ Москвѣ, подвергатьъ себя опасностямъ, имѣя возможность избѣжашь ихъ? ... Наконецъ,

самъ Димитрій, 32-лѣтній Власпитель сильнѣйшаго изъ Русскихъ Княжествъ, назадъ пому два года побѣдившій Мамая, любимецъ народа, сосредопочившій въ себѣ всѣ надежды Руси; и эпошь еще 10-лѣтній Василій, уже предполагаемый наслѣдникъ Великаго Княжества (*); и эпо несомнѣное, пвердое уюваніе Димитрія, что минуешь гроза Ордынская, и эпа сладкая надежда, что Богъ дозволишь *ему* избавишь Русь опъ Монголовъ... и все эпо должно зависѣть опъ удачной или неудачной защипы *одного города*, мяшущагося внушри, обольщаемаго извнѣ, не имѣющаго опышныхъ рашниковъ, окруженнаго многочисленными врагами, Монголами и Русскими измѣнниками? А если эпошь городъ не выдержишь осады, падешь? Тогда на много, на много лѣтъ погребешся подъ его развалинами надежда Руси объ избавленіи, и Русь снова будешъ рабшвовашъ, раздирапъся усобицами Князей, гошовыхъ, для доспженія какихъ нибудь борышпныхъ видовъ своихъ, предашь Хану Опчизну, благомъ ея пожершвовашъ своему чешполюбію и закоренѣлой враждѣ прошивъ родныхъ, прошивъ брапъевъ. Посему вопросъ состоялъ въ шомъ: надеждами всей земли Русской должно ли жершвовашъ для *невернаго еще* спасенія споллицы? или, должно покинушь спольный *городъ*, и шѣмъ выиграшь время для собранія войскъ, могущихъ защипишь *цѣлое Княжество* и посредшвомъ онаго *всю Русскую землю*?—Димитрій избралъ послѣд-

(*) Василій Димитріевичъ родился 30 Декабря 1371 года. Исп. Гос Рос. V, Прилѣч. 137.

нее, и со всѣмъ семействомъ своимъ удалился изъ Москвы въ Коспругу. Въ Москву посланъ Липовскій Князь Оспей, внукъ Олгердовъ, Воеводою (*)

И совершенно оправдалась мысль Димитрія о невозможности удержаться въ Москвѣ: не смотря на мужественную оборону города Княземъ Оспеемъ, жители рѣшились сдать, опворили Хану ворапта, и 26 Августа 1382 года Москва была разграблена и сожжена, Оспей умерщвленъ, большая часть легковѣрныхъ Москвитянъ погибла подъ мечемъ вѣроломнаго непріателя.

Довольный опустошеніемъ Москвы, Владиміра, Звенигорода, Юрьева, Можайска, Дмишрова, Переяслава; слыша, что Владиміръ Андреевичъ между тѣмъ собралъ дружину и разбилъ сильный опрядъ Монголовъ; опасаясь, чтобы Димитрій не успѣлъ въ это время набрать войско,—Тохтамышъ началъ опспупать опъ Москвы. На обратномъ пути взялъ и сжегъ Коломну, перешелъ черезъ Оку, и, разоривъ Рязанское Княжество (не помогло и униженіе Олега), вышелъ изъ предѣловъ Россіи.

(*) Догадка Исторіографа, что « юный Князь Липовскій, княземъ Оспей, внукъ Олгердовъ, посланъ вѣроивно Димитріемъ » (Исп. Гос. Рос. V, 82), мнѣ кажется совершенно достоверною, потому что въ липовскихъ мы находимъ извѣстіе о другомъ также Князѣ Оспее и также намѣстникѣ Димитрія. Въ описаніи 1585 года читаемъ: « Марша въ 25, въ Лазареву Субботу, « Кн. Олегъ взя Коломну изгономъ, и Намѣстника изнима « Александра Андреевича, нарицаемаго Оспей, и прочихъ бо- « яръ и дѣвшихъ мужей поведе съ собою, и злата и серебра и « всякого шовара наимава, и ошде во своя земли. » Исп. Гос. Рос. V, 85 и 105.

Димитрій возвратился въ Москву. «Чистый въ совѣсти предъ Богомъ и народомъ, онъ не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда попомсковъ, хоша скорбѣль, однакожь не шеряль бодкрести, и надѣяся умилоспивишь Небо своимъ «великодушіемъ въ несчастіи (*).» Съ величайшею дѣяшельностію вновь принялся онъ за дѣла правленія: велѣль погребать мершвыхъ, самъ плашилъ за эпо; возобновилъ спѣны и башни Кремлевскія, и послалъ собраніе войско—наказати Олега, дѣйствіямъ коего приписывалъ бесъ успѣхъ Монгольскаго нашествія.

Москва и другіе города едва начали возникать изъ пепла и развалинъ; народъ не успѣлъ еще опомниться опъ ужаса, наведеннаго неожиданнымъ бѣдспвіемъ: а *Михаилъ Тверской* съ сыномъ своимъ Александромъ *уже отправился къ Хану, бити челомъ о Великомъ Княжествѣ.* Въ Москвѣ (1383) явился Посоль Ханскій, звалъ Димитрія въ Орду, пребовалъ дани и покорности. Не имѣя силъ пропивишься, Димитрій съ честію принялъ Посла; однакожь *самъ не потъхалъ*, но послалъ Боярь и сына своего Василія. Не смопря на сіе, покорность Димитрія шакъ дорого цѣнили въ Орлѣ, чпо Михаилъ ни сколько не успѣлъ въ своихъ проискахъ. Дѣши Князей Московскаго, Тверскаго и Нижегородскаго оставлены заложниками. Русь обложена шяжкой данью.

(*) Ист. Гос. Рос. V, 88.

Но Димитрій не унывалъ, не перялъ надежды — со временемъ доспичъ своей цѣли, и для того прежде всего хопѣлъ умиришь Русскую землю: не мстилъ Михаилу, и, пославъ (1385) Владиміра Андреевича съ войскомъ на Олега (который, оправившись опъ пораженія въ 1382 году и почитая Московское Княжесство совершенно ослабѣвшимъ, разграбилъ Коломну), въ то же время вызвалъ Игумена Сергія, отправилъ его въ Рязань, и Свяпой мужъ сей усыпидилъ Рязанскаго Князя, который наконецъ заключилъ вѣчный миръ съ Димитріемъ, послѣ утвержденный союзомъ родспвеннымъ: чрезъ два года (1387) **Феодоръ** Олеговичъ женился на Софіи Димитріевнѣ.

Нуждаясь въ мирѣ для успокоенія разореннаго своего Княжесства, Димитрій *по необходимости долженъ былъ казаться покорнымъ Хану*, для того, чптобы не подвергнувшись новому набѣгу Таттаръ и не давъ съ помощію ихъ усилиться Твери и Рязани. Усыпивъ же вниманіе Хана временною покорностію, примирившись и союзившись съ Олегомъ, держа миръ и съ Княземъ Тверскимъ, Димитрій воспользовался симъ промежуточнымъ временемъ (1382—1386) для укрѣпленія своихъ владѣній, собрался съ силами, и *теперь*, едва миновало чепыре года послѣ опустошительнаго набѣга Тохпамышева, *уже вполне обнаружилась мудрая политика Димитрія*, въ такое краткое время вновь укрѣпившая Москву, доставившая ей прежній перевѣсъ надъ прочими Русскими землями и прежнее (если не бѣльшее) на нихъ вліяніе. Нового-

родцы подали поводъ. Разбой вольницы Новгородской, почти безпрерывно грабившей селенія и города по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ, давно уже возбуждали гнѣвъ Димитрія; но трудныя обстоятельство досель преняпшшвовали Димитрію смирить Новгородцевъ, копорые спали присвоивать себѣ доходы Великокняжескіе, а въ 1385 году опречлись опъ суда Митрополитчяго, и положили: всѣ дѣла церковныя рѣшать Архіепископу Новгородскому, съ Посадникомъ, Тысячскимъ и чепырьмя посредниками изъ Бояръ и людей живыхъ по два. Такое распоряженіе Новгородцевъ очень явно обнаруживало ихъ желаніе— совершенно во всемъ бытъ независимыми опъ Великаго Князя. Тогда-по Димитрій, допольъ благопривѣшливый къ Новгороду, вознегодовалъ на вольный городъ, и рѣшилса показать всѣмъ, что Москва уже успѣла собраться съ силами, вновь окрѣпла и перевысила прочія Княжества. Двадцать шесть областей соединили своихъ рѣшниковъ подъ знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ-Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Спародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Молога, Белозерскъ, Галичъ, Успюгъ; самые подданные Новгорода, живели Вологды, Бѣжецка, Торжка, приняли споръ ну Великаго Князя. Дошедъ до Новгорода (1386), Димитрій, *по усиленной просьбѣ, сперва Новгородскаго Архіепископа Алексія, потомъ втораго посольства, состоявшаго изъ 2 Архимандритовъ, 7 Иереевъ и 5*

избранныхъ опъ каждого конца горожанъ, согласился заключить миръ *на всей старинѣ Новгородской*: Новгородъ отказывался опъ всѣхъ послѣднихъ своихъ распоряженій, вступалъ въ прежнія отношенія къ Великому Князю, обязывался ежегодно плащить черный боръ, или дань, собираемую съ чернаго народа, и единовременно вносилъ въ казну Великокняжескую 8000 рублей за разбой своей вольницы. Такимъ образомъ справедливо замѣчаетъ Г. Полевой: «Димитрій *первый* оставилъ мелкую крамолу противъ Новгородцевъ, и смѣло показалъ этому вольному городу его безсиліе.»

Въ 1387 году, Василій Димитріевичъ бѣжалъ изъ Орды, и пробрался въ Москву.

Въ слѣдующемъ (1388) году, Димитрій, уже окрѣпшій, уже готовый на новую борьбу съ Монголами, оказалъ *явное презрѣніе къ Ханской волѣ*. По смерти Димитрія Конспанпиновича, Нижній Новгородъ опданъ былъ Тохтамышемъ Борису Городецкому; а Суздаль Василю Кирдяпъ и Самсону, сыновьямъ умершаго Князя. Но Василій Кирдяпа, возвратившись изъ Орды (1388), просилъ помощи у Великаго Князя противъ Бориса, и не смотря на грамаху Хана, Димитрій далъ Василю и Самсону Московскія дружины, копорыя помогли имъ опнять у дяди Нижній Новгородъ: Борисъ долженъ былъ прѣхать въ Городецъ.

Въ это время совершилась важная государственная перемена: «Владиміру Андреевичу объявили, что, по волѣ старшаго брата, ему должно отказаться опъ правъ своихъ на Великое Княже-

ство, въ случаѣ смерти Димитрія. Кажется, что не обошлось безъ неудовольствій; но, сколько же достойный назывался добрымъ, сколько и храбрымъ, Владиміръ поспешилъ въковымъ предлогомъ междоусобій. Первый изъ Русскихъ Князей, онъ добровольно опречеся отъ права, по коему старшій въ родѣ братъ наследовалъ послѣ брата, а не сынъ послѣ отца. Важное сіе событіе не было означено кровью и войною, совершилось въ тишинѣ Княжескаго перема. *Димитрію принадлежитъ честь мирнаго и прогнаго утвержденія новаго порядка въ наследствѣ*; Владиміру — подвигъ великодушнаго пожертвованія честолюбіемъ для блага общаго. Опшныиъ Великое Княжество будетъ *безспорно въ одномъ родѣ. Следствія сего дѣла безчисленны: отныиъ одна политика будетъ одушевлять Князей Московскихъ; прекратятся переходы Бояръ; дружины и подвластные будутъ усердствовать повелителямъ*, ибо не стануиъ ожидать милости Властителей изъ другаго рода. Договоръ, по которому Владиміръ призналъ Димитрія опцемъ, а сына его, юнаго Василія, старшимъ братомъ своимъ, обращаясь, равно для обоихъ и для потомковъ ихъ, держалъ Великое Княжество честно и грозно, хошъ добра и служилъ безъ ослушанья, — сей договоръ замѣчашеленъ и шѣмъ, что въ немъ *изъявлена надежда на освобожденіе отъ власти Монголовъ*. Договариваясь объ Ордынской пятоспи, бусурманскомъ долгѣ и пропоряхъ, Князья упоминаяиъ, что можешъ быиъ *Богъ избавитъ и освободитъ ихъ отъ Орды*.

Въ семь договорѣ надобно замѣтити еще другую важную государственную мѣру. *До Димитрія* ни одинъ Великій Князь не смѣлъ назначать себѣ наслѣдника на Великомъ Княжествѣ; Князья опсправлялись въ Орду, и шамъ избранный объявлялся Великимъ Княземъ. Димитрій, помышляя о свободѣ, захотѣлъ уничтожить сіе послѣднее отношеніе, поспавлявшее Великихъ Князей въ зависимость отъ Хана, и *первый самъ распорядился наслѣдствомъ Великаго Княжества*: «спебѣ браніу моему молодшему и моему сыну, Володимеру Андреевичу, держаши ши подѣ мною и *подѣ моимъ сыномъ подѣ Княземъ подѣ Васильемъ* и подѣ моими дѣпми *Княженъе мое Великое* чеспно и грозно;» и далѣ «а чимъ мя благословиль опецъ мой Князь Великій Иванъ въ городѣ въ Москвѣ и въ спанѣхъ два жеребья, пакъ же и Коломна съ волоспми, и Можайскъ съ волоспми и опѣздными мѣспы, и *Великимъ Княженъемъ*, шото ши подо мною блюспи и *подѣ моимъ сыномъ подо Княземъ подѣ Васильемъ* и подѣ моими дѣпми.»

Весною слѣдующаго (1389) года Димитрій тяжко заболѣлъ, оправился отъ болѣзни; но провидя близкую кончину, сдѣлалъ духовную, въ коей благословлялъ Василія на спарѣйшій пушъ, опказывалъ ему Великое Княжеспво, и обнаруживалъ завѣщную думу свою: надежду, что перемѣнитъ Богъ Орду. «Сына своего, Князя *Василія*, благословляю на *старшій путъ*. . . . А се благословляю сына своего Князя *Василія* *своею отжиною Великимъ Княженъемъ*. . . . А *перемѣнитъ Богъ Орду*, дѣпши мои не имущъ даваши выхода въ Орду.» И съ

ушѣщительною, сладостною мыслию, что, хотя по смерти его, Русь пожнетъ плоды его благоразумной опважности и мудрой полищиги, Димитрій закрыль глаза на вѣки (19 Мая, 1389 года)—Князь достопамятный въ нашей Исторіи: мужеспвенный воинъ—полищикъ, любимый народомъ, славимый, какъ первый побѣдитель Ташарь, кошорому однакожь *современники*, хорошо понимая его положеніе, *не ставили*, а *потомки не должны ставить* въ вину, что не успѣвъ собрать войска, онъ уже не могъ вопрошивишься Тохтамышу, предапельствомъ Русскихъ Князей разорившему Ведикое Княжесство.

Такимъ образомъ, изъ безпристрастнаго разсмопрѣнія событій и соображенія обстоятельствъ княженія Димитрія Юанновича Донскаго, мы видимъ, что одна идея постоянно одушевляла его, одна идея постоянно проявлялась во всѣхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ, къ одной цѣли постоянно стремился онъ— свергнушь иго Орды, возстановишь самобытность Руси: въ сей мысли сосредоточивался весь Димитрій. Вотъ *погему* и народъ Русскій, представивелемъ коего тогда былъ Димитрій, совокунившій въ себѣ всю жизнь Руси своего времени; *вотъ погему* народъ Русскій съ благодарностію сохраняетъ имя Димитрія, какъ рѣшишеля на борьбу съ невѣрными за свободу Руси. Въ семъ драгоценномъ имени гордится своею борьбою съ Монголами, и въ поэтическомъ воспоминаніи своемъ, всю жизнь Димитрія сливаетъ въ одно *осъмое Сентября* 1380 года. И совершенно справедливо: попому что все предше-

спивовавшее этому знаменипому дню и все за нимъ послѣдовавшее еспь не что иное, какъ *продолженная* такъ сказать *Куликовская битва*; по-тому что *освобождение Руси* было единствен-нымъ желаніемъ, *мыслию всей жизни* Димитрія.

Николай Савельевъ.

(Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія
1857 года, Іюнь, N° VI.)

